

Го Лицзюнь. Идеографическая реконструкция номинативного множества «Основы властных отношений в государстве» / Го Лицзюнь, А. В. Щетинина // Научный диалог. — 2020. — № 1. — С. 45—61. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-45-61.

Guo Lijun, Shchetinina, A. V. (2020). Ideographic Reconstruction of the Nominative Set «Fundamentals of Power Relations in the State». *Nauchnyi dialog, 1*: 45-61. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-45-61. (In Russ.).

УДК 811.161.1'42:070+81'373.218"20"

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-45-61

ИДЕОГРАФИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ

НОМИНАТИВНОГО МНОЖЕСТВА

«ОСНОВЫ ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ГОСУДАРСТВЕ»¹

© Го Лицзюнь (郭丽君, 2020), orcid.org/0000-0002-9711-4180, доктор филологических наук, доцент факультета русского языка, институт международных исследований, Университет имени Сунь Ятсена (Чжухай, Китай), guolj5@mail.sysu.edu.cn.

© Щетинина Анна Викторовна (2020), orcid.org/0000-0002-9085-8697, кандидат филологических наук, доцент, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» (Екатеринбург, Россия), anna-73.schetinina@yandex.ru.

Рассматривается номинативное множество «Основы властных отношений в государстве», структурированное с применением метода идеографической реконструкции. Актуальность исследования обусловлена отсутствием исчерпывающего идеографического описания социально-политической лексики русского языка и необходимостью планомерной разработки каждого из его секторов. Отмечается, что идеографическая реконструкция номинативных множеств, которые объединяют лексемы и идиоматические выражения, позволяет системно описать фрагменты действительности: отношения в государстве, обществе, между частными лицами — в виде фреймовых конструкций, воспроизводящих схему действий в реальной жизни. Языковые единицы для исследования извлекались из современных и исторических толковых словарей русского языка, фиксирующих лексику с XI по XXI века. Показано, что идеографическая сетка «Основы властных отношений в государстве» организована в виде «лесенки» идеограмм, уровни которой (43 слота) отражают ветви семантического подчинения между группами синонимических единиц, образующих ряды в пределах каждой идеограммы. Описываются идеограммы ядерной и приядерных зон, а также находящиеся на ближней и дальней периферии. Указывается, что данное поле объединяет более 1400 единиц: современных и вышедших из употребления лексем и идиоматических выражений. Делается вывод о научной и методической значимости идеографического описания лексики в аспекте изучения как русского, так и иностранных языков.

¹ Статья подготовлена при поддержке фонда фундаментальных исследований исследовательского института «Один пояс — один путь» университета им. Сунь Ятсена.

Ключевые слова: метод идеографической реконструкции; социально-политическая лексика; семантика; идеограмма; идеографическая сетка; лексикография.

1. Введение

Чтение газетных и журнальных публикаций, новостей и их обсуждений в сети Интернет, просмотр передач на социально-политическую тематику — необходимые составляющие знакомства с особенностями организации жизни как в своей, так и в другой стране, в частности при изучении родного и иностранного языков. Системно организованный массив слов и выражений как результат идеографической реконструкции номинативного фонда, объединяющего лексические факты из разных языковых идиомов, отражающих представления носителей языка о тех или иных явлениях, событиях, процессах и др. реальной действительности, предоставляет иностранцу, осваивающему язык и интересующемуся социокультурными особенностями другой страны, необходимые знания и позволяет лучше понять изучаемую культуру и ее представителей. Если толковый словарь фиксирует слова и их значения в алфавитном порядке, то идеографическая реконструкция позволяет увидеть целый фрагмент действительности (см., например: [Глазырин и др., 2017; Еремина, 2018; Леонтьева, 2018; Мухина, 2015 и др.]), репрезентированный посредством лексических и фразеологических единиц, соотносимых с ментальными единицами. В состав номинативного множества могут входить языковые единицы из разных идиомов: литературного языка и его нелитературных форм (диалектов, жаргонов). Последние обычно не являются предметом изучения в процессе освоения иностранного языка, хотя студенты, как показывает практика, с удовольствием осваивают жаргонизмы, особенно когда проживают в стране изучаемого языка и активно общаются с его носителями. В свою очередь, диалектизмы могут быть интересны для иностранных ученых-лингвистов с точки зрения понимания языкового сознания представителей традиционной крестьянской культуры, которые в другие эпохи (в XX веке и ранее) составляли существенную часть русского общества (что нашло отражение в том числе в художественной литературе).

Цель настоящей статьи — описать лексико-семантическое множество «Основы властных отношений в государстве»¹ на материале языковых единиц, зафиксированных в лексикографических источниках, а также номинаций, извлеченных из текстов медиадискурса и ранее не описанных

¹ Данное лексико-семантическое множество зафиксировано в словаре: Щетинина А. В. Идеографический словарь русской социальной лексики: государство, власть, внутренняя политика / А. В. Щетинина. — Екатеринбург: Ажур, 2018. — 768 с.

лингвистами, системно представив структуру семантического пространства, соотнесенного с представлениями о властных институциональных отношениях в современной российской действительности и ее историческом прошлом. Идеографическая реконструкция номинативных множеств, включающих в себя лексемы, фразеологизмы, поговорки, дает возможность представить фрагменты бытия государства, общества, человека в виде фреймовых конструкций, которые воспроизводят схему действий в реальной жизни. Материалом для исследования послужила лексика, извлеченная из толковых словарей русского языка с XI по XXI века [БТСРЯ, 1998; БУСРЯ, 2017; СлРЯ, 1999; СлРЯ XI—XVII, 1975—2008; СлРЯ XVIII; ССРЛЯ, 1950—1965; ТСРЯ XXI, 2008; Язык Совдепии, 1998 и др.], жаргонных и диалектных словарей [БСРЖ, 2001; СРНГ, 1965—2004; ССМЖ, 2006 и др.], а также словарей поговорок [Бирих, 2007; Иллюстров, 1915; Мокиенко, 2001; Снегирев, 2014]. Кроме того, современная лексика, не зафиксированная в словарях извлекалась из медийных текстов (преимущественно статей электронных СМИ).

2. Идеографическая сетка лексико-семантического поля «Основы властных отношений в государстве»

Далее, не захватывая лексику из сферы организации жизни в государстве, которая объединяется в номинативное множество «Государственность как основа организованного общества» [Щетинина, 2018], и политики, которая может объединяться в семантические поля по разным основаниям, в частности представлять идеограмму «Политика как государственно-властная сфера» и др. [Там же], проведем идеографическую реконструкцию лексико-семантического поля «Основы властных отношений в государстве».

Ядерной идеограммой, воплощающей представления носителей языка о власти, в том числе государственной, является семема «власть» (слот 1), которая интегрирует разные номинации самого факта власти: *большинство* 'старшинство, власть, первенство' [СлРЯ XI—XVII, вып. 1, с. 287], *бразды правления* 'книжн., высок, шутл. о государственной или административной власти' [Бирих и др., 2007, с. 65], *владычество* 'господство, верховная власть' [СлРЯ, т. 1, с. 183], *вага* 'курск., перен. влияние, власть, могущество, сила' [СРНГ, т. 4, с. 9], *скипетродержательство* 'владычество, верховная власть' [СлРЯ XI—XVII, вып. 24, с. 198] и др. Часть дефиниций, зафиксированных в словарях, включает в себя сему 'власть', которая может репрезентировать властные отношения в широком смысле, при этом семантика власти в системе институциональных отноше-

ний актуализируется и в иллюстрациях (*право* ‘арх., ленингр. власть’ Арх. *Потом революция была, право-то сменилось* [СРНГ, т. 31, с. 59]; *империум* ‘власть, могущество’ Я, *государь, не мно конечно сему быть, чтоб пропустить Шведа в Саксонию для сохранения империум цесарства* [СлРЯ XVIII, вып. 9, с. 86]).

Как известно, власть имеет строгую организационную структуру и символику, поэтому указанная выше идеограмма семантико-мотивационно связана с идеограммами следующих уровней: «ветвь власти» (слот 2) (*вторая власть* ‘публ. об исполнительной власти (в отличие от первой — власти законодательной, представительной)’ [НСИЗ, т. 1, с. 321]; *третья власть* ‘публ. о правах и полномочиях судебных органов’ [БСРП, 2008, с. 89] и др.); «вид власти; система управления» (слот 3) (*геронтократия* ‘о правлении, верховной власти глубоко пожилых людей’ [БТСРЯ, 1998, с. 148]; *венец* ‘перен. царская власть, престол’ [Ефремова, 2000, с. 653]; *кравество* ‘власть, правление короля; королевство’ [СлРЯ XI—XVII, вып. 8, с. 11] и др.); «относящийся к власти, связанный с властью» (слот 4) (*административно-бюрократический* ‘публ. административно-командный’ [ТСРЯ XXI, 2008, с. 47]; *коронный* ‘относящийся к короне, правительственный, государственный’ [ССРЛЯ, т. 5, с. 1456] и др.); «символ власти, государства» (слот 5) (*бунчук* ‘конский хвост на древке — символ власти турецких пашей’ [СлРЯ XVIII, вып. 2, с. 167]; *сѣдалище* ‘престол, трон, символ власти, правления кого-либо’ [СлРЯ XI—XVII, вып. 24, с. 18]; *серп и молот* ‘государственная эмблема СССР, символизирующая власть трудящихся, союз рабочего класса и крестьянства, мирный труд’ [СлРЯ, т. 4, с. 83] и др.).

Поскольку власть предполагает установление системных отношений между ее акторами и объектами подчинения, в первой приядерной зоне находится идеограмма «управлять, руководить» (слот 6) (*быти въ правительствѣ* ‘быть правителем, править (государством)’ [СлРЯ XI—XVII, вып. 18, с. 109]; *властвовать* ‘высок. управлять, править (страною, государством)’ [СлРЯ, т. 1, с. 183] и др.), которая становится семантическим источником для формирования идеограмм других уровней: «управление, руководство» (слот 7) (*браздодержательство* ‘правление, управление (государством)’ [СлРЯ XI—XVII, вып. 1, с. 337]; *властвование* ‘высок. действие по значению глагола властвовать’ [СлРЯ, т. 1, с. 183] и др.); «связанный с управлением» (слот 8) (*административный* ‘связанный с управлением чем-либо’ [СлРЯ XVIII, вып. 1, с. 25]), «способ управления» (слот 9) (*в ручном режиме* ‘обст. ирон. при полном отсутствии системы правил и мероприятий, в зависимости от обстоятельств

(действовать, делать что-либо)' [Жуков и др., 2016, с. 43]); репрезентанты двух последних идеограмм немногочисленны.

Во второй приядерной зоне находятся идеограммы преимущественно одного уровня, репрезентирующие действия, процесса, отношений, которые осуществляются в сфере власти. Так, власть можно показывать: «демонстрировать свою власть» (слот 10) (выявлено одно выражение без дефиниции *показывать свою власть* [СлРЯ XVIII, вып. 3, с. 205]), при этом еще одна идеограмма связана с признаком выражения власти: «выражающий власть, повелительный» (слот 11) (выявлена также одна лексема *властительный* [СлРЯ XVIII, вып. 3, с. 204]). Кроме того, зафиксированы идеограммы, отражающие различные действия, связанные с обладанием, получением, захватом власти и т. п., и процессы, которые осуществляются в реальной действительности:

— «обладать равной властью» (слот 12) (*равновластвовать* 'обладать равной с кем-либо властью, силой' [СлРЯ XI—XVII, вып. 21, с. 114]) и на следующей ступени семантико-мотивационных отношений — «возможность управлять, руководить» (слот 13) (*все ниточки в руках* 'прост., экспресс. кто-либо располагает всеми возможностями руководить, управлять кем-либо, чем-либо' [Федоров, т. 2, с. 33]);

— «иметь особое правление, правителя» (слот 14) (*государствовать* 'иметь особого государя — об области, стране' [СлРЯ XVIII, вып. 5, с. 199]);

— «подчиняться кому-либо, обладающему властью» (слот 15) (*быти подь мечем* 'быть под чьим-либо игом, под насильственной властью' [СлРЯ XI—XVII, вып. 9, с. 138]);

— «отдавать / отдать в чью-то власть» (слот 16) (*выдати головою* 'отдать в чью-либо полную власть' [СлРЯ XI—XVII, вып. 3, с. 197]);

— «избираться во власть» (слот 17) (*идти во власть* 'публ. избираться, быть избранным во властные структуры' [НСИЗ, т. 1, с. 649]);

— «получать / получить власть» (слот 18) (*огосподиться* 'получить власть, стать господином, властителем' [СлРЯ XI—XVII, вып. 12, с. 254]);

— «захватить власть, подчинить» (слот 19) (*узурпировать* 'книжн. совершить (совершать) узурпацию чего-либо' [СлРЯ, т. 4, с. 477]) и на следующей ступени семантико-мотивационных отношений — «захват власти» (слот 20) (*узурпация* 'книжн. насильственный, противозаконный захват власти или присвоение себе чужих прав на что-либо, чужих полномочий' [Там же]);

— «наделять властью» (слот 21) (*облекать* 'перен. наделять, снабжать кого-либо властью, полномочиями и т. п.' [Ефремова, 2000, с. 4626]);

— «отбирать власть» (слот 22) (*снимати* ‘лишать чего-либо — сана, власти’ [СлРЯ XI—XVII, вып. 25, с. 259]);

— «терять / потерять власть» (слот 23) (*выпускать возжси* ‘прост. терять власть над кем-либо’ [БСРП, 2008, с. 94]);

— «делить, разделять власть» (слот 24) (*соцарствовати* ‘разделять с кем-либо престол, власть; соцарствовать’ [СлРЯ XI—XVII, вып. 26, с. 261]).

В третьей и четвертой приядерных зонах находятся идеограммы, воплощающиеся в обозначениях акторов власти.

В аспекте репрезентации институциональных отношений прежде всего это глава государства — «носитель верховной власти» (слот 25): в данное лексическое множество объединяются слова и идиоматические выражения, обозначающие правителей в разные периоды истории и в различных формах власти, например, *архикнязь* ‘великий князь’ [СлРЯ XI—XVII, вып. 1, с. 52], *бѣлый царь* ‘название московского царя в обращении к нему восточных народов (перевод тюркского «ак» в значении ‘западный’)’ [СлРЯ XI—XVII, вып. 1, с. 138], *геронтократ* ‘правитель страны, чиновник высокого ранга в преклонном возрасте’ [НСИЗ, т. 1, с. 384], *деспот* ‘верховный правитель в рабовладельческих монархиях древнего Востока, пользовавшийся неограниченной властью’ [СлРЯ, т. 1, с. 391], *лидер* ‘глава, руководитель (государства, политической партии, общественно-политической организации, общественного движения и т. п.)’ [ТСРЯ XXI, 2008, с. 539] и др. В семантико-мотивационных отношениях находятся лексические воплощения данной идеограммы с репрезентантами идеограмм, передающих характеристики правителя или значение принадлежности к нему: «обладающий верховной властью, имеющий верховную власть» (слот 26) (*владствующий* ‘обладающий высшей властью’ [СлРЯ XI—XVII, вып. 2, с. 212], *державный* ‘обладающий верховной властью, владетельный, царственный’ [СлРЯ, т. 1, с. 389]); «относящийся к верховному правителю; принадлежащий верховному правителю» (слот 27) (*высочайший* ‘свойственный, принадлежащий богу, лицам царствующей фамилии; относящийся к ним, исходящий от них’ [СлРЯ XVIII, вып. 5, с. 42], *кесарев* ‘принадлежащий кесарю’ [СлРЯ, т. 2, с. 46]); «управляемый верховным правителем» (слот 28) (*скипетродержательный* ‘управляемый верховным владыкой, правителем, царем’ [СлРЯ XI—XVII, вып. 24, с. 198]). На этой же ступени находится идеограмма «быть верховным правителем, получать верховное правление, править» (слот 29) (*держати корону* ‘быть королем где-либо, получить королевство’ [СлРЯ XI—XVII, вып. 7, с. 343]), являющаяся семантическим источником для идеограмм следующих ступеней:

«пребывание у власти в качестве верховного правителя» (слот 30) (**диктаторство** ‘пребывание у власти в качестве диктатора’ [СлРЯ, т. 1, с. 399]), «праздник в честь вступления во власть верховного правителя» (слот 31) (**инаугурация** ‘полит. торжественное вступление в должность главы государства’ [ТСРЯ XXI, 2008, с. 399]), **царский день** ‘в дореволюционной России день коронаования, а также именин царя или царицы, считавшийся праздником’ [СлРЯ, т. 4, с. 477]).

Кроме того, именование лица, обладающего верховной властью, возможно в соответствии с титулом, поэтому ключевая идеограмма рассматриваемой приядерной зоны «носитель верховной власти» соотносится с идеограммой следующей ступени «титул верховного правителя; членов семьи верховного правителя» (слот 32) (**Август** ‘титул царя’ [СлРЯ XI—XVII, вып. 1, с. 19], **Великий князь** ‘титул киевского князя; с XII в. также и владимирского князя’ [Там же, вып. 7, с. 207] и др.).

Благодаря средствам массовой информации в русском языковом пространстве появилось большое количество прозвищ известных деятелей (наряду с прозваниями, закрепившимися исторически), в том числе верховных правителей, которые, на наш взгляд, могут быть включены в идеографическое описание как полноправные средства отражения исторической действительности, российской и международной: «Масштабность некоторых из них (прозвищ. — *Г. Л., А. Ш.*) благодаря средствам массовой информации достигает глобальных размеров, превращая их в онимы-интернационализмы» [Вальтер и др., 2007, с. 13]. Таким образом, идеограмма «прозвище верховного правителя» (слот 33) объединяет онимы, называющие деятелей, давно вошедших в историю (**Амфитрита** ‘уподобит. о Екатерине II (миф. морская богиня)’ [СлРЯ XVIII, вып. 1, с. 63], **Великий кормчий** ‘публ., патет. Мао Цзедун (1893—1976), идеолог и руководитель Коммунистической партии Китая, главный теоретик маоизма’ [БСРП, 2008, с. 315]), так и современных политиков, управляющих государствами (**бацька** ‘об Александре Григорьевиче Лукашенко, политическом и государственном деятеле Республики Беларусь, действующем президенте с 1994 года’ [Щетинина, 2018, с. 295], **ВВП** ‘В. В. Путин, Президент Российской Федерации, Верховный Главнокомандующий Вооружёнными силами Российской Федерации с 2000 года по 2008 год, с 2012 года по 2018 год, с 2018 года вновь избранный руководитель государства; в 1999—2000 годах и с 2008 по 2012 годы — Председатель Правительства Российской Федерации’ [Там же, с. 296]). Отметим, что, на наш взгляд, словарные дефиниции, разрабатываемые для обозначений исторических реалий, должны включать энциклопедическую информацию, которая дает возможность

пользователю, обращающемуся к словарю, получить главную информацию об историческом деятеле, событии, явлении и т. п.

Кроме того, у носителя верховной власти всегда есть сторонники, чьи названия образованы обычно от имен тех людей, за которыми они следуют: так идеограмма «сторонник верховного правителя» (слот 34) объединяет лексемы *ельциноид* ‘публ., презрит. приверженец взглядов и политики Президента РФ Б. Н. Ельцина; тот, кто уподобляется ему’ [НСИЗ, т. 1, с. 570], *ленинец* ‘сторонник политики В. И. Ленина, советского политического и государственного деятеля, главного организатора и руководителя Октябрьской революции 1917 года в России, создателя первого в мировой истории социалистического государства’ [Щетинина, 2018, с. 303] и др. На следующей ступени располагается идеограмма «поддерживающий политику верховного правителя» (слот 35) (*проельцинский* ‘поддерживающий Б. Ельцина и проводимую им политику; отражающий поддержку Б. Ельцина’ [ТСРЯ XXI, 2008, с. 803], *пропутинский* ‘поддерживающий В. Путина и проводимую им политику; противоп. антипутинский’ [Там же, с. 811]).

В четвертой приядерной зоне находятся лексемы и идиоматические выражения, называющие людей, которые, являясь акторами власти, осуществляют ее на разных уровнях государственной структуры. Здесь объединяется значительное количество лексических репрезентантов, воплощающих идеограмму «человек (люди), обладающий (-ие) властью; начальство» (слот 36) (*архитекторы перестройки* ‘реформаторы, которые в период перестройки (масштабные перемены в идеологии, экономической и политической жизни СССР во второй половине 1980-х годов) осуществляли преобразования в разных сферах’ [Щетинина, 2018, с. 306], *божок* ‘перен. человек могущественный, обладающий властью над другими людьми’ [Ефремова, 2000, с. 455]), которая взаимосвязана с идеограммами «характеризующий власть имущих» (слот 37) (*амбициозный* ‘связанный с посягательствами на власть, властолюбием’ [СлРЯ XVIII, вып. 1, с. 57], *полноправый* ‘а мур. наделенный, обладающий властью’ [СРНГ, т. 29, с. 83]), «быть у власти, править» (слот 38) (*быть в силе* ‘иметь власть, влияние’ [СлРЯ, т. 4, с. 92], *владеть* ‘оренб., сарат. держать в своей власти; управлять, распоряжаться кем-, чем-либо’ [СРНГ, т. 4, с. 315]), «воздействие человека (людей), обладающего (-их) властью» (слот 39) (*политическое лидерство* ‘постоянное воздействие политического субъекта, имеющего в своем распоряжении определенные политические ресурсы, которые заставляют с ним считаться других субъектов или участников политического процесса’ [Щетинина, 2018, с. 339]).

На дальней периферии (в пятой приядерной зоне) находятся лексемы и выражения, репрезентирующие желание человека иметь власть: «стремление, любовь к власти» (слот 40) (*любоначалие* ‘желание властвовать, властолюбие’ [СлРЯ XVIII, вып. 12, с. 15]), «человек, любящий власть» (слот 41) (*властолюбец* ‘человек, любящий власть, стремящийся к власти’ [СлРЯ XVIII, вып. 3, с. 205]) и на следующей ступени «любящий власть» (слот 42) (*любо начальный* ‘един. любящий власть, властолюбивый’ [СлРЯ XVIII, вып. 12, с. 15]); «любить власть, стремиться властвовать» (слот 43) (*властолюбствовать* ‘любить власть, стремиться властвовать’ [СлРЯ XVIII, вып. 3, с. 205]).

Таким образом, метод идеографической реконструкции позволяет описать фрагменты политической действительности, воплощающиеся в языке таким образом, чтобы можно было наглядно представить, как в разные периоды истории развития языка и в разных формах языка репрезентируются те или иные политические реалии, в какие взаимоотношения они вступают и др.

3. Лексические репрезентанты властных отношений в государстве

Лексическое множество «Основы властных отношений в государстве» объединяет более 1400 единиц: лексем и идиоматических выражений, имеющих разную стилистическую окраску, современных и вышедших из активного употребления, а также новых, еще не зафиксированных словарями. Ниже охарактеризуем основные особенности языковой репрезентации властных отношений в аспекте идеографического описания.

(1) Лексические единицы, называющие понятия из сферы государственных властных отношений, имеют место в разных идиомах: литературном языке, городском просторечии, диалектах, жаргонах. Большая часть языковых единиц, репрезентирующих властные отношения в государстве, принадлежит к книжным стилям, что вполне ожидаемо, поскольку понятия из институциональной сферы имеют прежде всего официальные наименования и реже — принадлежащие нелитературным подсистемам языка. Так, лексические воплощения идеограмм «ветвь власти», «вид власти, система управления», «относящийся к власти, связанный с властью», «управление, руководство», «праздник в честь вступления во власть верховного правителя», «титул верховного правителя» и др. представлены только фактами литературного языка. Часть номинативных множеств включает в себя единичные лексемы и идиоматические выражения, извлеченные из жаргонных словарей (например, идеограмма «человек (люди), обладающий (-ие) властью; начальство» воплощается

в двух жаргонизмах: *паник* ‘жарг. о крупном руководителе (сотруднике государственного аппарата, партийном функционере и т. п.)’ [НСиЗ, т. 2, с. 1374] и *товаристая хромосома* ‘угол. женщина-руководитель’ [БСРП, 2008, с. 720]) или диалектных лексикографических источников (например, идеограмма «быть верховным правителем, править» представлена только одним найденным нами в СРНГ выражением *служить царем, князем* ‘олон., арх. быть царем, князем’ [СРНГ, вып. 38, с. 311]). При этом диалектизмы более активно представлены в тех группах слов, которые называют общие понятия, например, значительное количество диалектных слов (по сравнению с их представленностью в других группах) воплощают идеограмму «власть»: *вага* ‘курск., перен. влияние, власть, могущество’ [СРНГ, вып. 4, с. 9], *владость* ‘калин. власть’ [Там же, с. 316], *засилье* ‘моск. власть, сила’ [СРНГ, вып. 11, с. 32], *право* ‘арх., ленингр. власть’ [СРНГ, вып. 31, с. 59] и др. Такие языковые единицы могут обозначать и неинституциональные феномены.

Кроме того, часть репрезентантов властных отношений извлекается из словарей паремий, причем они могут иметь как книжную, так и разговорную окраску: например, идеограмма «символ власти, государства» наряду с литературными лексемами: *венец, жезл, мономахова шапка, престол, серп и молот* и др. — вербализуется также посредством выражения *чернобыльский бройлер* ‘разг., ирон. один из проектов герба России — царский двуглавый орел без короны’ [БСРП, 2008, с. 60]; номинативное множество «быть у власти, править» включает в себя идиоматические выражения *держать бразды правления* ‘устар. править чем-либо, властвовать над кем-либо’ [Федоров, т. 1, с. 196]; *прибирать возжи к рукам* ‘экспресс. сосредоточивать в своих руках власть, управление, руководство’ [Федоров, т. 2, с. 141]; *стоять у руля* ‘книжн. управлять, руководить чем-либо’ [БСРП, 2008, с. 582]). И опять подобные номинации могут характеризовать не только институциональные феномены, но также, например, и отношения в семье, межличностные отношения.

Лексика разговорного характера частотна среди обозначений людей, обладающих властью (*большая рука* ‘разг. влиятельный, значительный по своему положению человек’ [БСРП, 2008, с. 575], *кремлёвцы* ‘разг. члены правительства, высших органов власти Российской Федерации’ [ТСРЯ XXI, 2008, с. 514], *системщик* ‘разг. руководитель, хорошо представляющий системную взаимосвязь людей и подразделений в управляемой им структуре; специалист по управлению’ [НСиЗ, т. 3, с. 815] и др.). Кроме того, в разговорной речи активно появляются и прозвища представителей власти, поскольку «многие прозвища политических деятелей,

ставшие “вторыми именами”, не имеют очевидных авторов (субъекты номинации), сопровождая своих носителей (объекты номинации) в течение длительного исторического периода как продукты “коллективного творчества» [Вишнякова и др., 2017, с. 72] (см. например, *Бровеносец Потёмкин* ‘жрр., ирон. Леонид Ильич Брежнев’ [Вальтер и др., 2007, с. 110], *Горбач* ‘О Михаиле Горбачеве, последнем Генеральном секретаре ЦК КПСС (1985—1991), первом и последнем президенте СССР (1990—1991)’ [Щетинина, 2018, с. 297], *кукурузник* ‘шутл.-ирон. Никита Сергеевич Хрущёв’ [Вальтер и др., 2007, с. 311] и др.

(2) Языковые единицы, называющие понятия из сферы государственных властных отношений, представлены как устаревшей, так и современной лексикой. При этом большая часть идеограмм воплощается практически в равной мере и тем, и другим типами слов, например, лексические группы «быть верховным правителем» (*взимати великое княжение, владѣти княжением, главенствовать, диктаторствовать* и т. п.), «носитель верховной власти» (*анакось, бѣлый царь, вѣнчанный глава, первое лицо, лидер-реформатор, хозяин белого дома* и т. п.) и др.; другие включают в себя преимущественно устаревшие языковые единицы, например, номинативное множество «власть» объединяет 93 лексемы: 9 диалектизмов, 2 жаргонизма, 21 слово из современного русского языка, 61 лексему, извлеченную из исторических словарей русского языка с XI—XVIII века; третьи представлены только современными словами и выражениями, например, идеограммы «ветвь власти» (*вторая власть, нятая власть, контрольная власть, президентская ветвь власти* и т. п.), «сторонник верховного правителя» (*ельцинист, путинец, сталинист* и т. п.) и др.

(3) Принадлежность языковой единицы к группе понятий из сферы государственных властных отношений определяется на основе выявления сем институционального характера как в составе дефиниции, зафиксированной в словаре, так и в контекстном употреблении при отсутствии таких сем в определении, предложенном толкователем слова. В большей части значений институциональная сема фиксируется в дефиниции. Так, сами идеограммы включают в себя архисемы, тематически принадлежащие институциональной сфере: ‘верховная власть’, ‘верховный правитель’, ‘власть имущий’, ‘государство’, ‘управлять / управление’, ‘править / правление’, ‘властвовать / властвование’. Соответственно, значения лексем, воплощающих идеограмму, включают в себя данные семы, например, *синдром динозавра*

‘о чрезмерной централизации *управления государством* в России’ [НСиЗ, т. 3, с. 793] или *держав* ‘*верховная власть*, владычество’ [СлРЯ XVIII, вып. 6, с. 103]. Однако если в приведенных примерах институциональный характер значений слов очевиден, то в ряде случаев значение в словарях формулируется широко и институциональный характер семантики требует подтверждения примерами речевого употребления. Мы исходим из того, что семантические множители, отражающие социальные смыслы, могут иметь место не только в ассертивной, но и в пресуппозиционной зонах значения, притом главным образом, как отмечает Л. П. Крысин, на периферии значения [Крысин, 1988]. Контекстуальное употребление, отражающее прагматику использования той или иной языковой единицы, имеет существенное значение для выявления смыслов, актуализирующихся в речи, что признается многими исследователями [Воробьева, 2000; Карасик, 2005; Леонтьева, 2014; Кобозева, 2000 и др.]. В частности, значения, включающие семы ‘власть’, ‘управлять / управление’, ‘властвовать / властвование’, могут трактоваться широко, ср.: глагол *вести* ‘перен. направлять деятельность кого-, чего-л., управлять, руководить кем-, чем-л.’ [СлРЯ, т. 1, с. 156] называет действия как в обиходно-бытовой сфере (*Бабушка вела домашнее хозяйство, дом держался ее энергией и умом*. М. Павлов, Воспоминания металлурга [Там же]), так и в области государственной политики (*Пламенный трибун, умеющий силой своего ораторского дара поднимать и вести за собой массы, он стоит в одном ряду с неистовыми якобинцами Великой французской революции Робеспьером и Дантоном*. Б. Ефимов. Десять десятилетий, 2000 [Щетинина, 2018, с. 194—195]).

Особенно актуально широкое толкование для диалектных слов, см. например, *начало* ‘олон. власть’ *Не своя воля, начало есть* (1852) [СРНГ, вып. 20, с. 279], поскольку лексика репрезентирует характерные для традиционного крестьянского общества внутренние механизмы самоуправления: «в период до формирования институциональных органов управления в деревенской общине не предполагалось расслоения на “власть” и “остальных”», управленческие функции выполнялись сообща» [Леонтьева и др., 2017, с. 173], что и получило отражение в языке: ср. *ладить (наклонять) под свой ноготь* ‘тобол. стараться взять под свою власть’ *Волости все ладят под свой ноготь* [Там же, вып. 27, с. 324], *владать* ‘оренб., сарат. держать в своей власти; управлять, распоряжаться кем-, чем-либо’ *У кого штыки острые, тому городом владать* [Там же, вып. 4, с. 315] и др. — в таких случаях наличие институциональной семы проверяется посредством наблюдений над иллюстративным материалом.

5. Заключение

Идеографическое описание в словаре языковых фактов на основе выявления идеограмм является формой сохранения и генерализации знаний человека не только о языке, но и о мире в целом. Идеографическая реконструкция номинативного множества «Основы властных отношений в государстве» позволяет путем составления типологии языковых фактов, называющих понятия из сферы государственных властных отношений, изучать весь комплекс их языковых воплощений в системе — в рамках разных объединений (фреймов и слотов), отражающих особенности реальной организации жизни людей в государстве и представления об этой области действительности. Именно идеографическое описание дает более или менее полное представление об особенностях репрезентации фактов действительности в языке, в частности, в его литературной и нелитературных разновидностях, что позволяет увидеть, как представители разных социальных групп в настоящее время и на протяжении длительной истории развития языка называли явления, события, процессы, персоналии, связанные с институциональной сферой жизни.

На основе анализа языковых единиц, извлеченных из современных и исторических толковых словарей, нами выявлено более 1400 языковых фактов, которые воплощают 43 идеограммы указанной семантической области.

Принципы и методы идеографического описания могут использоваться и для составления небольших по объему тематических словарей, собранный и описанный языковой материал — в качестве справочных данных при чтении текстов социально-политического содержания, а также как дидактический фонд при разработке упражнений, полезных в преподавании лингвистических курсов, предполагающих знакомство с лексическим уровнем языковой системы.

Источники и принятые сокращения

1. Бирих, 1996 — *Бирих А. К.*, Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь фразеологических синонимов русского языка / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова ; под ред. В. М. Мокиенко. — Ростов-н/Д : Феникс, 1996. — 352 с.
2. БСРЖ, 2001 — *Мокиенко В. М.* Большой словарь русского жаргона / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. — Санкт-Петербург : Норинт, 2001. — 720 с.
3. БСРП, 2008 — Большой словарь русских пословиц. Около 70 000 пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. — Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2008. — 1026 с.
4. БТСРЯ, 1998 — *Большой* толковый словарь русского языка / Ин-т лингвист. исслед. ; авт., сост., глав. ред. С. А. Кузнецов. — Санкт-Петербург : НОРИНТ, 1998. — 1535 с.

5. БУСРЯ, 2017 — *Морковкин В. В.* Большой универсальный словарь русского языка / В. В. Морковкин, Г. Ф. Богачёва, Н. М. Луцкая ; под ред. В. В. Морковкина. — Москва : Словари XXI века, 2017. — 1456 с.
6. Иллюстров, 1915 — *Иллюстровъ И. И.* Жизнь русского народа въ его пословицахъ и поговоркахъ : сборник русскихъ пословицъ и поговорокъ. Издание 3-е, исправленное и дополненное / И. И. Иллюстровъ. — Москва : [б. и.], 1915. — 469 с.
7. НКРЯ — *Национальный корпус русского языка* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : www.ruscorpora.ru.
8. НСиЗ — Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: в 3 т. / сост. Т. Н. Буцева, Е. А. Левашов, Ю. Ф. Денисенко, Н. Г. Стулова, Н. А. Козулина, С. Л. Гоновоблева ; отв. ред. Т. Н. Буцева. Ин-т лингвистических исследований РАН. — Санкт-Петербург : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2009.
9. СлРЯ XI—XVII — *Словарь русского языка XI—XVII вв.* / гл. ред. С. Г. Бархударов и др. — Москва : Наука, 1975—2008.
10. СлРЯ XVIII — *Словарь русского языка XVIII века* / АН СССР, Ин-т рус. яз.; гл. ред. Ю. С. Сорокин. — Ленинград : Наука, 1984—1991. Вып. 1—6; Санкт-Петербург : Наука, 1992—2011.
11. СлРЯ — *Словарь русского языка* : в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. — Москва : Русский язык ; Полиграфресурсы, 1999.
12. *Снегирев И. М.* Русские народные пословицы и притчи / И. М. Снегирев ; отв. ред. О. А. Платонов. — Москва : Институт русской цивилизации, 2014. — 528 с.
13. СРНГ — *Словарь русских народных говоров* / под ред. Ф. П. Филина и Ф. П. Сороколетова. Т. 1—38. — Москва, Ленинград, Санкт-Петербург, 1965—2004.
14. ССМЖ, 2006 — *Грачев М. А.* Словарь современного молодежного жаргона / М. А. Грачев. — Москва : Эксмо, 2006. — 672 с.
15. ССРЛЯ — *Словарь современного русского литературного языка* : в 17 т. — Москва ; Ленинград : Изд. АН СССР, 1950—1965.
16. ТСРЯ XXI — *Толковый словарь русского языка начала XXI века* / под ред. Г. Н. Складневской. — Москва : Эксмо, 2008. — 1136 с.
17. Щетинина А. В. Идеографический словарь русской социальной лексики: государство, власть, внутренняя политика / А. В. Щетинина. — Екатеринбург: Ажур, 2018. — 768 с.
18. Язык Совдепии, 1998 — *Мокиенко В. М.* Толковый словарь языка Совдепии / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. — Санкт-Петербург : Фолио-Пресс, 1998. — 704 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вальтер Х.* Прозвища как объект лексикографии (Предисловие05 / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко // Большой словарь русских прозвищ. — Москва : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. — С. 5—27.
2. *Вишнякова О. Д.* Антропонимическое прозвище как индикатор оценочности в политическом дискурсе / О. Д. Вишнякова, В. А. Александрова // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2017. — № 2. — С. 70—82.
3. *Воробьева О. И.* Политический язык : семантика, таксономия, функции : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.01 / О. И. Воробьева. — Москва, 2000. — 382 с.

4. Глазырин В. А. Авторский идеографический словарь : теория и практика (на материале книги стихотворений О. Э. Мандельштама «Камень») / В. А. Глазырин, Ю. В. Казарин // Лексикография и коммуникация — 2017 : сборник материалов III Международной научной конференции. — Белгород : Издательский дом «Белгород», 2017. — С. 25—31.

5. Еремина М. А. Идеографический словарь русской социальной лексики : Трудовые отношения. Традиция / М. А. Еремина. — Екатеринбург : Ажур, 2018. — 232 с.

6. Карасик В. И. Лингвокультурный типаж «русский интеллигент» / В. И. Карасик // Аксиологическая лингвистика : лингвокультурные типажы : сборник научных трудов / под ред. В. И. Карасика. — Волгоград : Парадигма, 2005. — С. 25—53.

7. Кобозева И. М. Две ипостаси содержания речи : «значение» и «смысл» / И. М. Кобозева // Язык о языке : сборник статей / под ред. Н. Д. Арутюновой. — Москва : Языки русской культуры, 2000. — С. 304—359.

8. Крысин Л. П. Социальный компонент в семантике языковых единиц / Л. П. Крысин // Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка. — Москва : [б. и.], 1988. — С. 124—143.

9. Леонтьева Т. В. Обычай в русском языке : слово и понятие : монография / Т. В. Леонтьева. — Москва : Флинта, 2014. — 200 с.

10. Леонтьева Т. В. Идеографический словарь русской социальной лексики : общество и человек / Т. В. Леонтьева. — Екатеринбург : Ажур, 2018. — 554 с.

11. Мухина И. К. Проблемы формирования денотативно-идеографической группы, «Названия наций, народов» в идеографическом словаре синонимов / И. К. Мухина // Перевод и сопоставительная лингвистика. — 2015. — № 11. — С. 93—96.

IDEOGRAPHIC RECONSTRUCTION OF THE NOMINATIVE SET “FUNDAMENTALS OF POWER RELATIONS IN THE STATE”¹

© **Guo Lijun (2020)**, orcid.org/0000-0002-9711-4180, Doctor of Philology, associate professor, Department of Russian Language, School of International Studies, Sun Yat-sen University (Zhuhai, China), guolj5@mail.sysu.edu.cn.

© **Anna V. Shchetinina (2020)**, orcid.org/0000-0002-9085-8697, PhD in Philology, associate professor, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin” (Yekaterinburg, Russia), anna-73.schetinina@yandex.ru.

The nominative set “Fundamentals of power relations in the state”, structured using the method of ideographic reconstruction, is considered. The relevance of the study is due to the lack of a comprehensive ideographic description of the socio-political vocabulary of the Russian language and the need for the planned development of each of its sectors. It is noted that the ideographic reconstruction of nominative sets that combine lexemes and idiomatic expressions makes it possible to systematically describe fragments of reality: relations

1 This article was prepared with the support of the Foundation for Fundamental Research at the “One Belt - One Road” (Sun Yat-sen University).

in the state, society, between individuals — in the form of frame constructions that reproduce the scheme of actions in real life. The language units for the study were extracted from modern and historical explanatory dictionaries of the Russian language, fixing vocabulary from the 11th to the 21st centuries. It is shown that the ideographic grid “Fundamentals of power relations in the state” is organized in the form of a “ladder” of ideograms, the levels of which (43 slots) reflect the branches of semantic subordination between groups of synonymous units that form series within each ideogram. The ideograms of the nuclear and circumnuclear zones, as well as those located on the near and far periphery are described. It is indicated that this field unites more than 1400 units: modern and obsolete tokens and idiomatic expressions. The conclusion is drawn about the scientific and methodological significance of the ideographic description of vocabulary in the aspect of studying both Russian and foreign languages.

Key words: method of ideographic reconstruction; socio-political vocabulary; semantics; ideogram; ideographic grid; lexicography.

MATERIAL RESOURCES

- Birikh, 1996 — Birikh, A. K., Mokiyenko, V. M., Stepanova, L. I. (1996). *Slovar' frazeologicheskikh sinonimov russkogo yazyka*. Rostov-n/D: Feniks. (In Russ.).
- BSRZh, 2001 — Mokiyenko, V. M., Nikitina, T. G. (2001). *Bolshoy slovar' russkogo zhargona*. Sankt-Peterburg: Norint. (In Russ.).
- BSRP, 2008 — Mokiyenko, V. M., Nikitina, T. G. (2008). *Bolshoy slovar' russkikh poslovits. Okolo 70 000 poslovits*. Moskva : OLMA Media Grupp. (In Russ.).
- BTSRYa, 1998 — Kuznetsov, S. A. (ed). (1998). *Bolshoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka*. Sankt-Peterburg: NORINT. (In Russ.).
- BUSRYa, 2017 — Morkovkin, V. V., Bogacheva, G. F., Lutsкая, N. M. (2017). *Bolshoy universalnyy slovar' russkogo yazyka*. Moskva: Slovare XXI veka. (In Russ.).
- Illyustrov, 1915 — Illyustrov, I. I. (1915). *Zhizn' russkogo naroda v yego poslovitsakh i pogovorokakh: sbornik russkikh poslovits i pogovorok*. Moskva: [b. i.]. (In Russ.).
- NKRYa — *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka*. Available at: www.ruscorpora.ru. (In Russ.).
- NSiZ — Butseva, T. N. (ed). *Novyye slova i znacheniya. Slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 90-kh godov XX veka: v 3 t.* Sankt-Peterburg: DMITRIY BULANIN, 2009. (In Russ.).
- Shchetinina, A. V. (2018). *Ideograficheskiy slovar' russkoy sotsialnoy leksiki: gosudarstvo, vlast', vnutrennyaya politika*. Ekaterinburg: Azhur. (In Russ.).
- SIRYa — Evgenyeva, A. P. (ed.) (1999). *Slovar' russkogo yazyka: v 4-kh t.* Moskva: Russkiy yazyk; Poligrafresursy. (In Russ.).
- SIRYa XI—XVII — Barkhudarov, S. G. i dr. (1975—2008). *Slovar' russkogo yazyka XI—XVII vv.* Moskva: Nauka. (In Russ.).
- SIRYa XVIII — Sorokin, Yu. S. (ed.) (1984—1991, 1992—2011). *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka, 1—6*. Leningrad: Nauka; Sankt-Peterburg: Nauka. (In Russ.).
- Snegirev, I. M. (2014). *Russkiye narodnyye poslovitsy i pritchi*. Moskva: Institut russkoy tsivilizatsii. (In Russ.).
- SRNG — Filin, F. P., Sorokoletov, F. P. (ed.) (1965—2004). *Slovar' russkikh narodnykh govorov, 1—38*. Moskva, Leningrad, Sankt-Peterburg. (In Russ.).
- SSMZh, 2006 — Grachev, M. A. (2006). *Slovar' sovremennogo molodezhnogo zhargona*. Moskva: Eksmo. (In Russ.).

- SSRLYa — *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t.* (1950—1965). Moskva; Leningrad: Izd. AN SSSR. (In Russ.).
- TSRYa XXI — Sklyarevskaya, G. N. (ed.) (2008). *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka nachala XXI veka.* Moskva: Eksmo. (In Russ.).
- Yazyk Sovdeprii, 1998 — Mokiyenko, V. M., Nikitina, T. G. (1998). *Tolkovyy slovar' yazyka Sovdeprii.* Sankt-Peterburg: Folio-Press. (In Russ.).

REFERENCES

- Glazyrin, V. A., Kazarin, Yu. V. (2017). Avtorskiy ideograficheskiy slovar': teoriya i praktika (na materiale knigi stikhotvoreniy O. E. Mandelshtama «Kamen'»). In: *Leksikografiya i kommunikatsiya — 2017: sbornik materialov III Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii.* Belgorod: Izdatelskiy dom «Belgorod». 25—31. (In Russ.).
- Eremina, M. A. (2018). *Ideograficheskiy slovar' russkoy sotsialnoy leksiki: Trudovyye otnosheniya. Traditsiya.* Ekaterinburg: Azhur. (In Russ.).
- Karasik, V. I. (2005). Lingvokulturnyy tipazh «russkiy intelligent». In: *Aksiologicheskaya lingvistika: lingvokulturnyye tipazhi: sbornik nauchnykh trudov.* Volgograd: Paradigma. 25—53. (In Russ.).
- Kobozeva, I. M. (2000). Dve ipostasi sodержaniya rechi: «znachenije» i «smysl». In: *Yazyk o yazyke: sbornik statey.* Moskva: Yazyki russkoy kultury. 304—359. (In Russ.).
- Krysin, L. P. (1988). Sotsialnyy komponent v semantike yazykovykh yedinit. *Vliyaniye sotsialnykh faktorov na funktsionirovaniye i razvitiye yazyka.* Moskva: [b. i.]. 124—143. (In Russ.).
- Leontyeva, T. V. (2014). *Obychay v russkom yazyke: slovo i ponyatiye: monografiya.* Moskva: Flinta. (In Russ.).
- Leontyeva, T. V. (2018). *Ideograficheskiy slovar' russkoy sotsialnoy leksiki: obshchestvo i chelovek.* Ekaterinburg: Azhur. (In Russ.).
- Mukhina, I. K. (2015). Problemy formirovaniya denotativno-ideograficheskoy gruppy, «Nazvaniya natsiy, narodov» v ideograficheskom slovare sinonimov. *Perevod i so-postavitelnaya lingvistika, 11:* 93—96. (In Russ.).
- Valter, Kh., Mokiyenko, V. M. (2007). Prozvishcha kak obyekt leksikografii (Predislaviye). In: *Bolshoy slovar' russkikh prozvishch.* Moskva: ZAO «OLMA Media Grupp». 5—27. (In Russ.).
- Vishnyakova, O. D., Aleksandrova, V. A. (2017). Antroponimicheskoye prozvishche kak indikator otsenочnosti v politicheskom diskurse. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya, 2:* 70—82. (In Russ.).
- Vorobyeva, O. I. (2000). *Politicheskiy yazyk: semantika, taksonomiya, funktsii: dissertatsiya ... doktora filologicheskikh nauk.* Moskva. (In Russ.).